

ТУРКМЕНИСТАН МЕЖДУ 1989 И 1991 Г. БЫЛ ЛИ ШАНС АЛЬТЕРНАТИВНОГО РАЗВИТИЯ?

Түркмөнстан 1989 жана 1991-жылдар аралыгында. Альтернативдик өнүгүүгө мүмкүнчүлүк болгонбу?

Turkmenistan between 1989 and 1991. Was there a chance for alternative development?

Аннотация: в статье рассматривается динамика внутренних процессов в Туркменистане в решающие годы перестройки. Главная аргументация даётся на основе анализа перемен элитных структур в республике во второй половине 80-х гг. Оказывается, что властные структуры во главе с тогдашним Первым секретарём КС Туркменской ССР не были заинтересованы в открытии общества и политической культуры и старались закрепить обретенные позиции. Соответственно, у более открытых к переменам слоёв общества не находились рычаги давления, которые могли бы изменить позицию власти. С точки зрения сегодняшнего дня и с учётом централизации и персонификации власти, а также характера лидера шанс для альтернативного и более открытого развития политического устройства и политической культуры был очень маловероятным.

Аннотация: макалада Түркмөнстандын кайра куруу жылдарындагы ички процесстеринин динамикасы каралган. 80-жылдардын экинчи жарымындагы республиканын элиталык түзүлүшүнүн өзгөрүшүнө негизги аргумент катары анализ берилет. Көрсө, ошол мезгилдеги Түркмөн ССРинин Биринчи катчысы башында турган бийлик түзүмдөрү коомдун жана саясий маданияттын ачылышына кызыкдар болбостон, тескерисинче, өзүлөрүнүн ээлеген позицияларын бекемдөөгө умтулушкан. Шартка жарааша, республикадагы бийликти өзгөртө турган кээ бир ачык коомдун мүчөлөрүндө бийликтин таянычы болгон эмес. Бийликти борбордоштуруу жана лидердин мүнөзүн алып караганда, бүгүнкү күндүн көз карашы боюнча, саясий түзүлүштү жана саясий маданияттын өнүгүүсүн камсыз кылуу азырынча бул мамлекетте байкалбайт.

Annotation: the article considers the dynamics of the internal processes in Turkmenistan in the decisive years of perestroika. The main argument is given based on the analysis of change of elite institutions in the country in the second half of the 80-s. It turns out that the power structure headed by the then first secretary of CP of the Turkmen SSR were not interested in the opening of the society and political culture, and trying to consolidate its newfound position. Accordingly, more open to change layers of society were not leverage that could change the position of power in the republic. From the perspective of today, and in view of centralization and personalization of power as well as the character of the leader as a chance for an alternative and more inclusive development of the political system and political culture it was very unlikely.

Ключевые слова: перестройка; Туркменистан; политическое устройство.

Негизги сөздөр: кайра куру; Түркмөнстан; саясий система.

Keywords: perestroika; Turkmenistan; political system.

Последние два года существования Советского Союза в Туркменистане чётко обозначились тенденции к авторитарному развитию государства под управлением одного человека, которые потом в полной силе проявились уже после распада советской державы.

В настоящей статье сделана попытка осветить проблемы, которые привели страну к нынешнему режиму. Среди главных факторов, которые повлияли на дальнейшее развитие страны, можно, прежде всего, выделить ситуацию в Туркменской ССР в брежневский и постбрежневский периоды, сделавшей возможной режим одного человека. Существенным фактором являются личностные характеристики первого лица государства. Именно эти факторы сдерживали альтернативные возможности, которые были в дальнейшем практически задушены. С учётом нынешних знаний можно предположить, что события 1989-1991 гг. до сих пор определяют безальтернативную траекторию развития страны, была создана политическая культура, которая определила развитие независимой страны на несколько десятилетий, даже поколений вперёд.

Проблема изучения современного независимого Туркменистана заключается в значительном недостатке точной информации. Помимо некоторых авторов, в частности, туркменского историка и демографа Шохрата Кадырова, живущего в Норвегии, или воспоминаний туркменских (или родом из Туркменистана) историков и деятелей (например, Сергея Демидова или Владимира Рыблова) почти никто не занимается изучением современных туркменских элит. Некоторые данные для настоящей статьи были получены в рамках интервью с оппозиционными деятелями (особенно с умершим в 2007 г. Авды Кулиевым), журналистами (Виктор Панов) и другими. Для реконструкции способа мышления и формирования политической культуры были использованы

методы психологического анализа. В этой связи, я благодарен своему коллеге Йиржиму Шипекови с кафедры психологии Карлова университета в Праге, который объяснил мне многие психологические моменты жизни политических лидеров авторитарных режимов и на основе приведённых мною данных попытался сделать реконструкцию способа мышления Сапармурата Ниязова-Туркменбаши, а также нынешнего туркменского президента.

Внутриэлитная борьба в Туркменской ССР к концу советского периода

В период брежневского застоя стабильность стала одним из решающих факторов советского и, в частности, центральноазиатского пространства. Во главе республик до конца 60-х гг. стояли фигуры, которые должны были обеспечить эту неизменность политического курса для Центра. Для этих целей были избраны лица, близкие Брежневу, как в случае Шарафа Рашидова в Узбекистане, или люди, назначение которых должно было сбалансировать разные элитные группировки. Именно последний фактор стоял за назначением Мухамедназара Гапурова Первым секретарём ЦК КП Туркменистана. Этот деятель был опытным аппаратчиком, представителем нестоличной группировки и противником центрального ахалтекинского клана. Он, видимо, хорошо понимал стремление столичных кланов к власти и поступал с ними довольно жёстко, ликвидируя и репрессируя их самых ярких представителей, в частности, из культурной среды, которые были ограничены в своей деятельности и нередко подвержены гонениям или публичным оскорблениям. Одновременно Гапуров в стиле сложившейся у его предшественников политической культуры продолжил коррупционные подражания своим покровителям в Москве.

В этой среде и политической культуре началась и формировалась карьера будущего Первого секретаря страны — Сапармурата Ниязова. Сам будущий президент работал тогда в ЦК КП Туркмении, и с 1980 г. стал Первым секретарём Ашхабадского обкома партии. В этих кругах он хорошо освоил политическую культуру тех времён, когда большая часть «оппозиции», ахалских текке из столичных семей, служила в качестве среднего звена управленческой структуры и была удалена от реальной власти. Данный фактор стал предпосылкой для таких же действий ахалских текке в будущем (только в обратном порядке), как только они приобретут власть.

Вторым фактором формирования развития личности Ниязова и его политических взглядов стала попытка изменить коррупционную среду в советских республиках после кончины Брежнева. В частности, «московский десант» в соседний Узбекистан и решение поменять пронизанную коррупцией элиту Гапурова стал предостережением для новой туркменской элиты, для самого Ниязова. В 1984 г. в ЦК КПСС было принято решение назначить Сапармурата Ниязова. Таким образом, первым лицом республики впервые после 1951 г. стал представитель столичного клана. Несмотря на то, что Ниязов не происходил из знатного рода ахалтекинцев, и ходили даже спекуляции о его иранско-курдском или еврейском происхождении, ахалтекинцы получили своего человека во главе Туркменистана [1]. Данный шаг имел большое символическое значение для ахалтекинской элиты и сформировал у новых правящих кругов нежелание к любым изменениям, которые могли бы принудить Москву к очередному изменению клановых предпочтений. С другой стороны, Москва, назначая первым туркменом выходца и ахалтекинской среды, не могла пойти на повторное усиление одной группировки, ещё и с синергетическим эффектом поддержки в столице. Поэтому выбор остановился на Ниязове, который хотя и был теоретически ахалтекинцем (т. е. своего рода «своим» для столичной элиты), но как сирота не принадлежал к влиятельным семьям этого племенного союза. Для укрепления лояльности к «центру», Ниязов проходил, вопреки сложившимся традициям, годовую «стажировку» в Москве. Таким образом, Москва получила лояльную себе фигуру, которой было предназначено сохранить в республике спокойствие. Кажется, что Ниязов понял свою роль и до конца СССР играл роль «сторожа порядка в республике» оставаясь более лояльным советскому центру, чем к «своему» клану. Не будучи типичным «перестроечным» лидером, он с самого начала пресекал любые попытки альтернативного развития в стране. В Туркменистане у него не было на кого опереться и, не желая потерять власть, он должен был единолично контролировать все важные политические, кадровые, а также идеологические процессы в республике. Сначала он мог полагаться на гласную и мнимую поддержку в Москве, но после распада СССР - только на самого себя и на своих нетуркменских советников, не доверяя туркменам (и в частности туркменам ахалтекке).

Выше перечисленные факторы необходимо дополнить и характером самого Ниязова, который был, с одной стороны, довольно жестоким по отношению к подчинённым, с другой стороны, - чрезвычайно лояльным по отношению к вышестоящим институтам. Помимо этого Ниязов всячески укреплял своё положение в Москве. Данную властную вертикаль Ниязов сумел создать и в отношении себя, он сам стал лицом, которому необходимо во всем угодить и носить

подарки. Эта система постепенно пронизала все слои управления и сферы социальных услуг, связанных с государством. Это позволяло Ниязову не только взять под контроль туркменских политиков, постоянно требовать от них проявления лояльности и не допустить никаких конкурентов. На основе психологического анализа личности Ниязова можно сказать, что данный аспект играл ключевую роль при установлении политической культуры независимого Туркменистана.

Личностный фактор, исторический опыт и политическая культура в Туркменистане стали причинами подавления любого течения, потенциально угрожающего положению Ниязова в советской республике, а впоследствии - для установления личной власти уже в независимом государстве.

Альтернативные власти течения в 1989-1991 гг.

Начиная с 1988-1989 гг., особенно в среде туркменской интеллигенции проявилась попытка более активного участия в процессах перестройки в республике. Создавались альтернативные действующей власти группы.

Одной из первых стала Агзыбирлик («единство», букв. «один рот»). В основу их идеологий вошли вопросы возрождения туркменской культуры, повышение статуса туркменского языка и более откровенная дискуссия о переосмыслении туркменской истории, особенно XIX и XX-го вв. Одним из самых показательных мероприятий Агзыбирлика стала поминальная встреча в Геокдепе в январе 1990 г., которая была запрещена властями и разогнана. С этого момента началось притеснение движения.

В 1989 была основана Партия демократического развития Туркменистана, которая успела провести в 1989-1991 три съезда. Во главе этой партии стоял преподаватель Политехнического института, и с 1988 г. видный оппозиционер туркменского истеблишмента Дурдымурат Ходжамухамедов. Эта партия была частично связана с движением Агзыбирлик, (похожими взглядами на дальнейшее развитие страны и через некоторых общих представителей). Преследование членов этого движения началось, прежде всего, с 1991 г. и, особенно, после августовского путча, отношение к которому у них было резко отрицательным (в отличие от колеблющегося до последнего момента Ниязова).

Союз писателей стал ещё одним центром альтернативных мнений и прямой оппозицией Ниязову. Члены Союза писателей и других творческих союзов были частично связаны с Агзыбирликом и другими оппозиционными течениями. Некоторые члены Союза писателей откровенно выражали недовольство режимом Ниязова, и газета «Эдебият ве Сунгат» стала одной из крупных платформ для выражения этого недовольства.

К альтернативным движениям можно причислить и созданный в Академии наук в 1991 г. неофициальный дискуссионный клуб Пайхас, которым руководил историк и демограф Шохрат Кадыров. Эта относительно немногочисленная группа, однако, сумела проникнуть со своими откровенными взглядами и дискуссией в туркменские СМИ, тогда ещё не полностью охваченные ниязовской цензурой. Но и эта структура была со временем ликвидирована, а сам Кадыров был вынужден в 1992 г. эмигрировать.

Помимо этих наиболее известных групп существовали и другие, выражающие альтернативные власти мнения. Например, Народно-демократическая партия под руководством социолога Сергея Демидова, Партия зелёных (Акмухаммед Вельсапар). В Верховном Совете считалась независимой немногочисленная группа депутатов, представленных Гельды Игдиоровым. Можно даже отметить попытку выработать совместную платформу, объединяющую все оппозиционные силы. Собрание представителей выше перечисленных групп произошло в августе 1990 г.

Однако здесь уже проявились слабость оппозиции, её ограниченное влияние на ситуацию в стране, а также разрозненность взглядов её лидеров. С другой стороны, Ниязов был уже более уверенным в своей позиции с консолидированным окружением и, самое важное, - с репрессивным аппаратом, на стороне которого стояла сила. Оппозиция не обладала влиянием во властном аппарате, и Ниязов, используя неспособность оппозиции договориться о стратегии противостояния, а также о едином представителе, сумел легитимизировать своё лидерство на безальтернативных президентских выборах в октябре 1990 г.

В отличие от других советских республик на западе СССР, в туркменской оппозиции речь не шла о провозглашении независимости, общество и даже интеллектуальное сообщество данную идею не поддерживало. Эти настроения подтвердил и референдум о сохранении Советского союза в марте 1991 г. И хотя результаты по Туркменистану необходимо воспринимать осторожно с

учётом административного ресурса Ниязова и его подчинённых, Туркменская ССР показала самые высокие по всему СССР результаты за сохранение единой страны (97,9%) при самой высокой явке (97,7%) [2].

Вышеуказанные альтернативные группы были встречены окружением Ниязова с недоверием. Оппозиция представляла угрозу для новой ахалтеккинской элиты, которая пришла после длительного периода к власти в результате кадровых чисток. Несмотря на то, что и большинство представителей альтернативных групп, и новые представители власти были по происхождению из столичного региона, новые кадры опасались открытых заявлений о возможной либерализации страны, что было чревато потенциальными изменениями кадрового состава власти. Такая угроза была для Ниязова неприемлема, хотя в самом начале он сдерживался от любых шагов, которые могли бы быть расценены в Москве как несоответствующие перестройке [3]. Ниязов считался человеком, поддерживающим перестройку, несмотря на то, что для него это было «не нужно» («бизе шу геректэль»)[4].

В какой-то степени Ниязов кратковременно даже пошёл якобы навстречу оппозиции в Ашхабаде, в среде ахалских текке. Ему тогда была нужна поддержка в столице, поскольку он понимал, что без неё может оказаться недостаточной и его падающая поддержка в московских кругах. Получился некоего рода кратковременный симбиоз т. н. демократов и Ниязова. Однако, уже в 1990 г. Ниязов, пытаясь создавать для московского центра видимость спокойствия в союзной республике, начал притеснение неформальных групп под предлогом их несовместимости с традиционной культурой [5]. После подавления геоктепинской манифестации тогдашний министр справедливости рассказал, что альтернативных групп в республику не существует [6].

После провозглашения суверенитета Туркменистана в 1990 г. все яснее стал проявляться разрыв между сторонниками консервативного порядка и альтернативным движением, которые были первой группой осуждены как «возмутители порядка» и «инакомыслящие». При этом президент Ниязов все меньше считался с лицами второй группы. И как только Ниязов и ахалтеккинская элита стали уверены в ослаблении позиций Москвы, альтернативные группы начали преследоваться.

Подавление инакомыслящих

Оппозиция подавлялась весьма разнообразными средствами. Одним из методов было запрещение публикаций для некоторых потенциально влиятельных авторов в республиканских газетах и журналах, не говоря уже о телевидении. Однако те авторы, которые не могли публиковаться, обращались в общесоюзную прессу. Инициатива создания альтернативных журналов для Туркменистана закончилась запретом на ввоз данной периодики. Самым ярким примером послужил и случай первого независимого (по его собственному определению) журнала Даянч, созданного в апреле 1991 г. под управлением Мухаммедмурада Саламатова и зарегистрированного как всесоюзный журнал [7]. Авторы, согласившиеся на публикацию в этом журнале, относились обычно к кругам альтернативных движений (инакомыслящих с точки зрения власти). В то же время другие, менее открытые авторы, отгораживались от контактов с данным журналом, который во властных кругах считался опальным [8].

Другой тактикой ненасильственного вытеснения оппозиции стал перехват некоторых громких идей и требований альтернативных групп. Авторство этих достижений Ниязов причислял себе. В качестве примера можно привести два примера — вопрос Закона о языке и Мемориальный день битвы у Геокдепе. Закон о языке стал одним из первых требований группы Агзыбирлик, которое прозвучало ещё в 1988 задолго до официального установления движения. В 1989-1991 Ниязов кардинально поменял взгляд на этот вопрос, будучи сначала противником этой идеи (учитывая уже упомянутую оглядку на Москву). В мае 1990 г. Ниязов поддержал принятие закона, хотя тот был внесён в повестку Верховного Совета Туркменской ССР ещё осенью предыдущего года под влиянием требований Агзыбирлика. Наконец, год спустя Ниязов присвоил себе полностью всю заботу о государственном языке [9]. Он также перевел на себя возрождение дискуссии о битве у Гоктепе. Несмотря на то, что 12 января 1990 г. (годовщина решающего поражения туркмен) манифестация Агзыбирлика у остатков крепости была разогнана, уже год спустя этот день «по инициативе президента» был объявлен национальным Днём памяти (Hatýra Günü). Эта дата превратилась в последующем в очередную манифестацию лояльности президенту [10].

Использование административного ресурса происходило в общественных и творческих организациях. Так, на съезде Союза писателей в феврале 1991 г. решение об отстранении главного редактора газеты Союза «Эдебият ве сунгат» Аширкули Байриева было принято по указанию

Ниязова. Некоторые писатели пытались «мягкой силой» протестовать против практики нажима на некоторых писателей объявлением голодовки и выражением протеста, однако данные акции не могли противостоять репрессивной линии аппарата Ниязова [11].

С 1990-1991 гг. начались под разными предлогами аресты самых видных представителей Агзыбирлика, включая самого Ходжамухаммедова. Партия демократического развития фактически прекратила свою открытую деятельность весной 1992 г. в связи с наступлением на все оппозиционные структуры в стране.

Ниязову удалось использовать государственный и силовой аппарат для того, чтобы отстранить или ограничить влияние альтернативных центров мышления. Интеллектуальные группы могли лишь частично использовать центральную советскую печать для выражения своих мыслей, однако они не обладали никакими рычагами влияния для того, чтобы изменить ситуацию в республике. Некоторую роль сыграла разрозненность и раздробленность оппозиционных Ниязову групп. Даже если бы т. н. оппозиционные, демократические, реформаторские или альтернативные силы сумели объединиться (как после съезда в августе 1990 г.), в силу своего состава они не смогли бы овладеть реальным влиянием для коррекции курса Ниязова. Так как в состав оппозиционных групп входили, в основном, выходцы из Ашхабада, то у них отсутствовала поддержка большинства регионов республики. Таким образом, можно согласиться с выводом туркменского писателя Акмурада Велсапара, что «... история Агзыбирлика – это история трагического противостояния горсточки передовых представителей туркменской интеллигенции советскому тоталитаризму» [12]. Следует добавить, что в данном случае речь идет даже не о советском устройстве, а о сугубо туркменской специфике.

Попытка государственного переворота - ГКЧП в Москве - внесла в ряды туркменской власти и в мысли Ниязова значительную неуверенность. Решение было однозначным — встать на сторону победителей. Поэтому Ниязов несколько дней не отвечал на звонки и не выдавал никаких заявлений. По словам некоторых близких тогда ему людей, он тихо поддерживал переворот, который обещал вернуть привычные ему порядки (с другой стороны, победа путчистов могла угрожать и ему, приведённому к власти на волне горбачевских изменений). Одновременно он держался так, чтобы можно было перейти и на противоположную сторону, что в конце концов и произошло. Оппозиционные группы в целом чётко протестовали против путча, что не могло в дальнейшем не сказаться на их судьбе. Ниязов обнаружил, что оппозиционные группы и общественное мнение могут повлиять на ход событий, что на их волне может появиться личность, угрожающая его власти (аналогия с Ельциным). Чтобы не допустить такого, Ниязов все более преследовал тех, кто хотя бы сомневался в выбранном им курсе. Особенно в условиях отсутствия поддержки из Москвы после путча этот репрессивный и авторитарный способ политики стал для президента, с его точки зрения, единственным для сохранения его власти. Он мог себе позволить такое поведение, поскольку его позиции в самом Туркменистане настолько укрепились, что у оппозиции или других клановых структур уже не было возможности предпринять никаких шагов для предотвращения курса к авторитаризму. Более того, Ниязову, получившему легитимность после провозглашения независимости, выборов президента и полного распада СССР, не были способны препятствовать даже представители столичных ахалтеккинских кланов. События осени 1991 г., таким образом, окончательно определили траекторию развития Туркменистана к централизованной и личностной власти одного человека.

Заключение

Несмотря на некоторые попытки в основном туркменской интеллигенции в республике не удалось изменить туркменскую политическую культуру и возбудить более широкую дискуссию о переменах общественной и политической жизни. Альтернативные группы были часто ограничены социально и географически. Программа и предложенные темы умеренного и радикального туркменского национализма не нашли необходимый отклик у других социальных групп населения, а также за пределами Ашхабада. Отделение столичных интеллектуалов от регионов (за редкими исключениями) показало разобщённость туркменского общества. В отличие от других советских республик в нём отсутствовал и мобилизационный потенциал и темы, которые могли бы вывести на улицу массы оппозиционно настроенных жителей республики. Любые проявления оппозиции ограничивались отдельными выступлениями на страницах некоторых газет, которые находили отклик у относительно маловлиятельного и узкого круга читателей.

Для осуществления перемен отсутствовала и поддержка правящих кругов. В Коммунистической партии Туркменистана не было сильного альтернативного течения. После назначения Ниязова как представителя ахалтекинского региона самые влиятельные круги

занимались, скорее всего, сохранением своих позиций, что не стимулировало выдвижение требований к более либеральным реформам, а наоборот консервировало ситуацию в республике. Этот фактор также сумел отделить представителей столицы и других регионов и усиливал преимущество ахалтеккинцев до той меры, что нельзя было поменять ахалского текке во главе республики лицом из другого региона. Связь между верхами и низами общества, которая могла стать мобилизационным элементом перемен, также не навязалась, и со стороны правящей элиты почти не было интереса к такому общению (за редкими исключениями).

Более того, Первый Секретарь компартии Туркменистана и позже президент республики Сапармурат Ниязов в силу своего происхождения (сирота с небольшим влиянием среди самых ахалских теккинов), опыта своей карьеры и своих личностных характеристик не допускал развития оппозиционных или альтернативных мнений, наоборот, считая их нежеланными конкурентами, особенно в среде правящей ахалтеккинской верхушки. Его не совсем уверенная позиция внутри ахалских теккинов заставила его опираться преимущественно на себя, что привело к укреплению единоличной власти. В такой ситуации любая оппозиция должна была быть уничтожена, сначала более умеренными способами, затем, с приходом независимости Туркменистана, - все более жесткими. Помимо запугивания личностей оппозиции Ниязов умело приспособил оппозиционные идеи для своих целей. Таким образом, лозунги и призывы оппозиции потеряли свой эффект, так как их требования как будто выполняла правящая власть.

Ниязов начал разыгрывать туркменский национализм под идеологическим лозунгом укрепления единства туркменской нации. С этим связано и переосмысление туркменской истории, которая пошла по тропе исключительности туркменского народа. Эта концепция позднее нашла своё отражение с 2001 г. в книге Рухнама, которая стала императивным и сильно искажённым источником истории для большинства туркмен.

Во время Ниязова была укреплена политическая культура центрального правителя с его идеологически всемогущим и даже божественным образом, в котором нет места для альтернативы, и исключительной ролью ахалских теккинов в республике.

Его наследник усиливает этот фундамент, акцентируя племенно-семейный компонент своей власти. При его избрании подтвердился тезис о том, что ахалские текке - единственные, кто могут править в Ашхабаде и, соответственно, во всем Туркменистане, подавляя при этом представителей других регионов.

Если 1989 г. в Туркменской ССР приоткрыл возможность реформы правления, последующее уничтожение всех альтернатив Туркменской ССР в 1989-1991 гг. свело такую возможность на нет, и определило авторитарный характер Туркменистана на несколько поколений вперёд. Политическая культура вождизма и племенного гегемонизма не будет способствовать переходу к более открытым формам правления в обозримом будущем. Попытка открыть (любым путём) общество, воспитанное на иерархических и коррупционных схемах с образом вождя, приведёт к еще большей дезинтеграции общества, хаосу и росту радикализма (национального, племенного и др.), к требованиям возвращения «сильной руки». Туркменистан в конце перестройки надолго потерял шанс стать более открытым обществом, хотя бы, например, кыргызского типа.

Литература

1. К еврейскому происхождению см. напр. бывший оппозиционный сайт Объединённой туркменской оппозиции. Толлыев, Чоушир: Памятник идиотизма (рецензия на книгу Сапармурата Ниязова "Рухнама"). Erkin.net, 24 октября 2002, см. на сайте Центразия.ру (<http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1035403800>), Спекуляция о его курдско-иранском происхождению Центрально-Азиатские страницы. Информационная сводка по Туркменистану. М.: ИЭГ, №6, 1996 г.).
2. Правда, 27.3.1991, цит. по Лукашин А. В.: Проблемы организации и проведения Всесоюзного референдума 17 марта 1991 года и пути развития союзной федерации. Государственное управление. Электронный вестник, выпуск № 28, сентябрь 2011, с. 23.
3. Рыблов, Владимир: Туркменская трагедия, Москва, 2004, с. 24
4. Кадыров, Шохрат: «Нация племен». Этнические истоки, трансформация и перспективы государственности в Туркменистане. Центр цивилизационных и региональных исследований, Российская академия наук, Москва, 2003, с. 169-170.
5. Рыблов, Владимир: указ.соч., Москва, 2004, с. 34-35.
6. Khazanov, Anatoly Mikhailovich: After the USSR: Ethnicity, Nationalism and Politics in the Commonwealth of Independent States. University of Wisconsin Press, 1995, с. 138.
7. Даянч, № 1, 1991 (архивавтора).
8. Мухамметгельды Бердыев: Журнал Даянч 1991-1992 г. DOPLNIT stránky.
9. Туркменбаши, Сапармурат: Рухнама Том 1, Туркменская государственная издательская служба, Ашхабат, 2001, с. 186, 299-300; Ниязов, Сапармурат: Независимость, демократия, благополучие. Рух, Ашхабат, 1994, с. 17.

10. Kadyrov, Shohrat: Turkmenistan. The political elite in an ethnic society. In: Oil, Transition and Security in Central Asia (Cummings, Sally, ed.), Routledge, 2003, s. 114. См. Также Horák, Slavomír: The Battle of Gökdepe in the Turkmen post-Soviet historical discourse. Central Asian Survey, 2014 (published in October 14, 2014).
 11. Рыблов, Владимир: указ.соч., с. 26-27.
- Саламатов, М.: Тяжело быть человеком, туркменом — тяжелее. Альманах Туркмены. №5-